

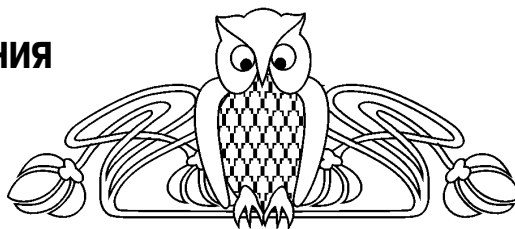

УДК [327.8(1,2,3)]

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИХ СДЕРЖИВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А. С. Скриба

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
E-mail: askriba@hse.ru

Конфликты Беларуси и России негативно сказываются на имидже евразийской интеграции. Дальнейшее углубление сотрудничества и расширение объединения в значительной степени будет зависеть от того, насколько успешно оно сможет решать двусторонние конфликты между участниками экономической группировки. В этом контексте наиболее перспективным решением видится не чередование политики «кнута и пряника» со стороны России, а формирование законодательной и институциональной базы, ограничивающей возможности спекулятивного балансирования малого государства в формируемом евразийском союзе.

Ключевые слова: белорусско-российские отношения, евразийская интеграция, политика балансирования, двусторонние конфликты.

Belarus-Russia Conflicts and their Restraints in the Context of Eurasian Integration

A. S. Skriba

Conflicts between Belarus and Russia have a negative impact on the image of the Eurasian integration. Union's further deepening and expanding will largely depend on how effectively bilateral conflicts between members of an economic grouping are solved. In this context, the most promising solution for Russia seems not striping policy of «carrot and stick», but creating the legislative and institutional framework, which limits the possibility of speculative balancing of a small state in the future Eurasian Union.

Key words: Belarus-Russia relations, Eurasian integration, balancing policy, bilateral conflicts.

Наверное, трудно привести еще один пример столь противоречивого двустороннего сотрудничества на всем постсоветском пространстве, как у Беларуси и России. Несмотря на то что история отношений этих государств после обретения ими независимости насчитывает немногим более двух десятилетий, уже сегодня можно обозначить их сложный и весьма неоднозначный характер.

С одной стороны, Беларусь и Россия участвуют в большом количестве различных интеграционных объединений. Их отношения начинались с высокой планки – создания Союзного государства в конце 1990-х гг. – которая, однако, так и не была достигнута на практике в полной мере. Далее последовало образование организации Договора о коллективной безопасности, формирование Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза и Единого экономического пространства. При этом руководство Беларуси,

по мнению российских коллег, в последние годы все чаще характеризуется как «последовательный сторонник интеграции»¹.

С другой стороны, на практике двусторонние отношения между странами нередко сопровождаются разногласиями, многие из которых страны вынуждены решать на самом высоком государственном уровне. При этом приходится констатировать, что существующие противоречия далеко не всегда удается разрешить даже лидерам двух государств, в результате чего оные превращаются в замороженные и вялотекущие конфликты, мягко говоря, не способствующие позитивному развитию как двустороннего диалога, так и региональной интеграции.

Уже к настоящему моменту белорусско-российские отношения в 2013 г. можно охарактеризовать как напряженные. За прошедшие первые девять месяцев отсутствовал существенный прогресс в интеграционном строительстве и межгосударственной отраслевой кооперации. При этом в августе 2013 г. произошло событие, позволившее говорить не только об отсутствии позитивного диалога, но и о некотором «откате» двусторонних отношений. Речь идет о конфликте белорусского государственного предприятия «Беларуськалий» и российской частной компании «Уралкалий». Его развитием стало принятие белорусской стороной весьма жестких мер в отношении менеджмента «Уралкалия», что уже вызвало резко негативную реакцию со стороны российского политического руководства.

Очередное обострение белорусско-российского диалога заставляет более углубленно проанализировать природу межгосударственных противоречий, повышает актуальность поиска не только причин, но и механизмов сдерживания конфликтных ситуаций. Важность выработки подобного рода механизмов обусловлена также необходимостью дальнейшего углубления евразийской интеграции, участниками которой являются и Беларусь, и Россия. Любые конфликты между этими странами, особенно те, которые остаются неразрешенными на протяжении многих лет, пагубно влияют на имидж объединения, а также на перспективы привлечения новых участников.

Следующий этап развития интеграционной группировки намечен на 2015 г., а потому меры,

направленные на стабилизацию белорусско-российских отношений и перенос их в конструктивное русло, необходимо выработать уже сегодня.

1. С исторической точки зрения добровольная интеграция государств в региональные группировки в невоенное время представляет собой явление относительно недавнее, а потому пока еще малоизученное. На сегодняшний день главным объектом исследований здесь является Европейский союз, чья история существования хоть и насчитывает более шестидесяти лет, однако лишь последние двадцать из них приходится на период после окончания «холодной войны», характеризующийся активным расширением группировки и углублением уровня интеграции. Хотя следует признать, что этот опыт является во многом уникальным, а потому используется при формировании иных региональных экономических группировок, в том числе и евразийской интеграции на пространстве бывшего СССР.

Еще менее изученным остается поведение государств, участвующих в интеграционных процессах, с точки зрения теорий международной политики. В первую очередь это относится к малым государствам, которые, сближаясь с региональными лидерами, вынуждены постоянно сохранять баланс между собственными интересами и безопасностью, поскольку любое сближение предполагает не только выгоды², но и обязательства (или внешние ограничения). Неслучайно сегодня вариативность политики этих государств в контексте региональной интеграции невероятно велика³, о чем говорят многочисленные примеры различных региональных объединений.

Неудивительно, что в этих условиях попытки классических теорий реализма сформулировать универсальную модель поведения государств применительно к современным интеграционным процессам оказались несостоятельными. В целом же главной причиной этого можно считать значительно снизившуюся конфронтационность международной среды и выход на первый план невоенных аспектов силы государства, таких как экономическая безопасность, конкурентоспособность и пр.

Именно это обстоятельство открыло перед многочисленными малыми государствами новые возможности самореализации, с одной стороны, основываясь на принципах международного права и тем самым фиксируя свою самостоятельность⁴, а с другой стороны, спекулируя опасениями крупных региональных игроков относительно собственной безопасности и своего места в стремительно меняющейся международной политике⁵.

Иными словами, после окончания «холодной войны» малые государства получили шанс стать не просто пассивными наблюдателями региональной интеграции, но ее активными участниками и институциональными «архитекторами».

В теориях реализма базовыми моделями поведения малых государств традиционно называ-

ются балансирование и примыкание⁶. Несмотря на то что в неконфронтационной международной среде эти термины несколько утратили свое традиционное значение, все же можно провести определенные параллели с нынешним поведением государств. Так, применительно к современным международным процессам (в частности – интеграционным), отдельная малая страна может проводить политику, направленную на сближение с тем или иным государством (примыкание), или, напротив, на дистанцирование от региональных интеграционных группировок (балансирование).

Исторически теории реализма справедливо противопоставляли балансирование и примыкание⁷. Несомненно, в условиях биполярного противостояния возможности постоянного лавирования между противоборствующими блоками у малых государств были объективно ограниченными. Им приходилось не только выбирать, чью сторону принять в том или ином вопросе, но и то, какую политику проводить в отношении определенного государства. В присутствии внешней угрозы невозможно одновременно балансировать ее источник (сдерживать его) и примыкать к нему (тем самым увеличивая его силу и влияние). Именно поэтому в отношении одного и того же государства политика балансирования и примыкания не могла успешно сочетаться.

В современных же условиях становится все более очевидно, что балансирование и примыкание есть две неотъемлемые составляющие внешней политики малых государств. Здесь они уже не исключают, а дополняют друг друга. Государство лишь варьирует интенсивность этих типов поведения, формируя ту или иную внешнюю политику. Именно на примере участия малого государства в региональных объединениях наиболее отчетливо проявляется изменчивость интенсивности этих политик, которая носит разнонаправленный характер по мере развития и углубления интеграции (рис. 1).

Рассмотрим типичный пример интеграции, когда относительно малое государство сближается с более сильным региональным лидером. Подобное экономическое сближение на начальных этапах несет малому государству очевидные преимущества, как то новый рынок сбыта своей продукции, доступ к ресурсам своего партнера (как природным, так и финансовым – кредитным и инвестиционным) и пр. При этом издержки такой политики примыкания на данном этапе являются минимальными – малое государство сохраняет самостоятельность в принятии большей части решений по вопросам собственной экономической политики и определения стратегии развития страны. Именно поэтому интенсивность политики примыкания здесь существенно выше, чем политика балансирования.

Однако по мере углубления интеграции ситуация постепенно меняется. Последующие этапы сближения предусматривают более тесную син-

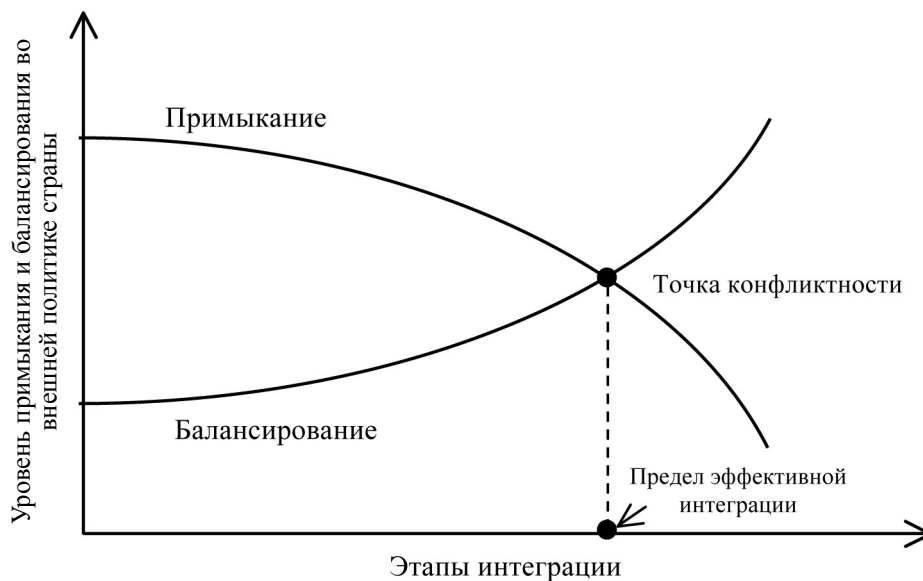

Рис. 1. Изменение политики балансирования и примыкания по мере развития интеграции

хронизацию экономических политик разных по потенциалу государств, где приоритет выбора той или иной политики будет объективно склоняться в пользу интересов более сильного участника интеграции. При этом все большее количество суверенных полномочий должно будет передаваться в наднациональные институты, где интересы малых стран также де-факто будут представлены в относительно меньшей степени. Все это, несомненно, заставляет малые государства постепенно активизировать политику балансирования, интенсивность которой по мере углубления интеграции будет расти. Соответственно интенсивность политики примыкания, напротив, будет снижаться.

Если представить разнонаправленное изменение интенсивности этих политик в виде двух графиков, то точку их пересечения – место, где интенсивность балансирования начинает превышать интенсивность примыкания, – можно обозначить как точку конфликтности. Любые интеграционные шаги, совершаемые после этой точки, будут сопровождаться высоким уровнем конфликтности отношений между интеграционным лидером, заинтересованным в постоянном углублении интеграции и расширении своего влияния, и малым государством, стремящимся сохранить собственную самостоятельность. Следовательно, любое продолжение интеграции (в том числе и принудительное) будет характеризоваться крайне невысокой и постоянно снижающейся эффективностью.

Важно отметить, что если применительно к малым государствам отсутствует универсальная модель поведения, так как политика балансирования и примыкания имеет свои национальные «особенности», то и изменение интенсивности этой политики по мере развития и углубления

интеграции будет различным. Следовательно, различным будет и интеграционный этап, на котором произойдет их пересечение и формирование точки повышенной конфликтности. На их интенсивность могут оказывать влияние такие внешние и внутренние факторы, как собственные ресурсы малого государства, величина диспропорции субъектов интеграции, наличие альтернативных интеграционных путей, присутствие национального и политического консенсуса относительно направления интеграции, характеристики политического режима страны и др.

Итак, если в ходе интеграции малого государства интенсивность политики балансирования превышает интенсивность примыкания, то интеграция достигла своего эффективного предела, и дальнейшее ее продолжение будет характеризоваться повышенной конфликтностью участников и низкой практической эффективностью. Этот тезис сохраняет свою актуальность и в обратном направлении. Если отношения между странами в рамках интеграционного объединения характеризуются систематическими конфликтами, значит, в процессе сближения была достигнута та самая точка, за которой дальнейший процесс интеграции на практике будет неэффективен. Последнее, в свою очередь, повышает актуальность изучения существующих противоречий между государствами с целью определения предела эффективного развития интеграционной группировки и выработки инструментов влияния на точку конфликтности и ее смещения.

Оценивая белорусско-российские отношения за последнее десятилетие, нельзя не заметить, что, несмотря на близкие, союзнические и, как их еще называют лидеры обоих государств, «братские» отношения, между странами регулярно возникают

серьезные противоречия. Некоторые из них не единожды приводили к серьезному обострению двустороннего диалога. Следовательно, исходя из уровня конфликтности и высокой интенсивности политики балансирования со стороны Беларуси, можно предположить, что в отношениях с Россией предел эффективной интеграции уже был достигнут.

Однако несмотря на указанное обстоятельство, не стоит забывать, что на сегодняшний день Беларусь и Россия не только являются участниками действующих интеграционных группировок (как экономических, так и военных), но также планируют дальнейшее углубление экономической интеграции в 2015 г. – создание Евразийского экономического союза. Подобная во многом противоречивая ситуация поднимает два немаловажных для будущего евразийской интеграции вопроса: почему уже на ранних стадиях сближения в белорусско-российских отношениях была достигнута точка конфликтности и как ее достижение сочетается с намерениями сторон продолжать развитие интеграционной группировки?

2. Значимость России для Беларуси, и в первую очередь для ее экономики, трудно переоценить. Беларусь являет собой малое государство с ограниченными ресурсами и потребительским рынком, открытой экспортоориентированной, а потому подверженной влиянию со стороны внешней конъюнктуры экономики. После обретения независимости Беларусь среди постсоветских республик обладала сравнительно высоким технологическим потенциалом, для поддержания которого требовалось сохранение традиционных рынков сбыта продукции и доступа к дешевому сырью. Решением стало сохранение тесного экономического сотрудничества с Россией, зафиксированное в многочисленных двусторонних договоренностях под эгидой стремления двух стран и их народов к единению и «реинтеграции». Здесь можно упомянуть различные договоры и соглашения 1990-х гг. и, в частности, создание 8 декабря 1999 г. Союзного государства Беларуси и России.

Главными аспектами двустороннего экономического сотрудничества за годы независимости Беларуси можно назвать доступ белорусских предприятий к российскому сырью, в первую очередь – энергетическому (нефть, природный газ), по льготным ценам, а также экспорт белорусской продукции на более емкий по сравнению с белорусским российский рынок. Немаловажное значение имели и российские кредитные ресурсы, в большинстве случаев предоставляемые также на сравнительно льготных условиях.

Значимость для Беларуси сотрудничества с Россией становилась еще большей на фоне напряженности диалога с европейскими странами по известным политическим причинам, главной из которых являлись претензии западных демократий к белорусскому политическому режиму по вопросам соблюдения прав человека и свободного

проведения выборов, которые начиная с 1994 г. ни разу официально не были ими признаны. В этих условиях отношения с Россией явились не только важным, но фактически безальтернативным ресурсом развития белорусской экономики.

Тем не менее, несмотря на объективно высокую заинтересованность Беларуси в тесном сотрудничестве с Россией, политические конфликты на самом высоком уровне по ряду экономических вопросов становятся неотъемлемой частью двустороннего диалога в 2000–2010-е гг. Среди таковых можно упомянуть следующие: так называемые «газовые войны», связанные со стоимостью природного газа для Беларуси и с условиями продажи белорусского транзитного предприятия «Белтрансгаз» российскому «Газпрому»; «нефтяные войны» вокруг условий поставок в Беларусь российской нефти и экспорта произведенных из нее нефтепродуктов; «молочные войны», причиной которых явились претензии российских санитарных органов к качеству белорусской сельскохозяйственной продукции, и др.

Примечательно, что двусторонние конфликты, пусть и несколько реже, продолжили присутствовать в белорусско-российских отношениях после перехода стран к экономическому сотрудничеству в рамках новых интеграционных объединений – Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП). В 2012 г. главным таким конфликтом стали противоречия сторон по поводу экспорта Беларусью нефтепродуктов, произведенных из российской нефти, под видом растворителей и разбавителей. Несмотря на то что формально белорусская сторона не нарушила ни одного интеграционного договора, сам факт подобного отношения к экономическому сближению вызвал немало вопросов у российских политиков.

Летом 2013 г. между странами сложились крайне напряженные отношения в связи с конфликтом двух национальных калийных компаний – «Беларуськалия» и «Уралкалия». Этот конфликт окончательно вышел за рамки диалога двух субъектов хозяйствования, когда генеральный директор «Уралкалия», прибывший в Минск по приглашению белорусского премьер-министра, был арестован, а еще несколько топ-менеджеров компании во главе с ее совладельцем объявлены в международный розыск по линии Интерпола. Законность подобных действий белорусской стороны еще предстоит оценить, однако уже сейчас можно констатировать, что они едва ли соответствуют декларируемому «союзническому» духу отношений Беларуси и России.

Нельзя не упомянуть и того факта, что одна из ключевых задач белорусско-российского сотрудничества в контексте евразийской интеграции – межотраслевая кооперация предприятий – также пока не имеет своего практического развития. В частности, на фоне калийного конфликта отсутствует прогресс в объединении МАЗа и КАМАЗа.

Претензии российской стороны по данному вопросу вызваны тем фактом, что по ходу переговорного процесса белорусские коллеги постоянно выдвигают новые условия, в результате чего сами переговоры становятся крайне затянутыми и, что самое главное, безрезультатными.

Итак, налицо противоречия между Беларусью и Россией, которые за последнее десятилетие так и не были разрешены и сохраняются, несмотря на переход стран к более институциональной евразийской интеграции (ТС и ЕЭП). Пример

Европейского союза показывает, что формирование Таможенного союза и зон, свободное перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы являются одними из первых этапов региональной экономической интеграции. Тем более странным кажется то, что уже на начальных этапах сближения объективно заинтересованная в интеграции Беларусь сохраняет высокий уровень конфликтности в отношениях с Россией, а в ее политике, очевидно, балансирование преобладает над примыканием (рис. 2).

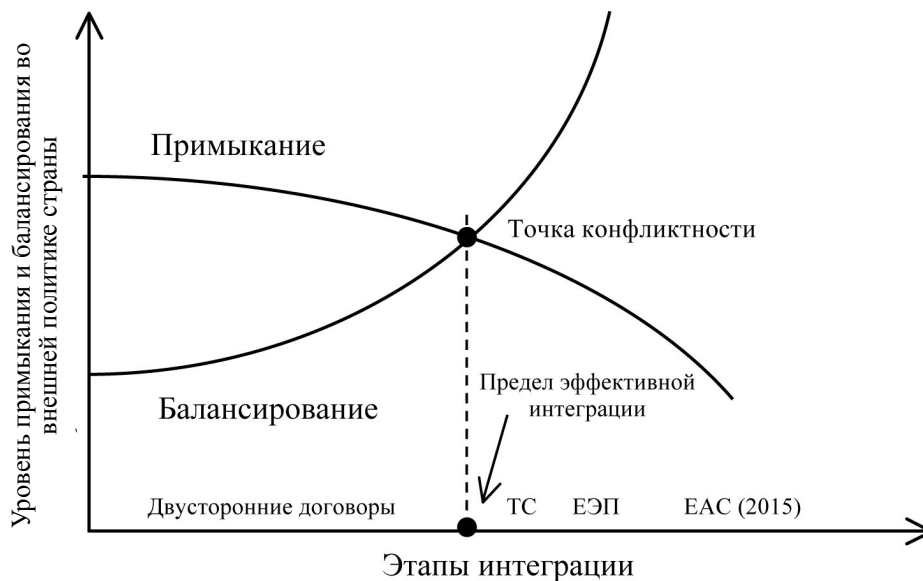

Рис. 2. Изменение политики балансирования и примыкания Беларуси по мере развития евразийской интеграции

Причина такого поведения видится в том, что интеграция Беларуси и России изначально отталкивалась не от «нулевой точки» – равноправного экономического сотрудничества двух независимых государств. Напомним: уже в 1990-е гг. Беларусь одной из первых на постсоветском пространстве получила существенные преференции от сохранения «льготного» режима торговли с Россией, причем сохраняла его дольше всех – вплоть до самого подписания соглашений об образовании Таможенного союза.

На первый взгляд, принципиального отличия от поэтапной интеграции здесь нет. Наоборот – если малое государство уже получает определенные выгоды от экономического сотрудничества с более сильным региональным лидером, то оно должно быть всячески заинтересовано в их пролонгации и институциональном закреплении. И действительно, заинтересованность Беларуси в сотрудничестве с Россией не только не уменьшилась, но, напротив, увеличилась на фоне нарастающих внутренних экономических проблем и сохраняющегося ограниченного диалога с западными партнерами – ЕС и США.

Тем не менее, если мы говорим о политике государства в контексте интеграции, его стремле-

нии к сближению или дистанцированию от более сильного регионального лидера, то существующий уровень экономического диалога двух стран имеет важное влияние на восприятие последующих интеграционных шагов.

Это проявляется в следующем. Если две страны начинают интеграцию «с нуля», то малое государство будет стремиться достигнуть того уровня сближения, который ему наиболее интересен (до момента точки конфликтности). Однако если между малым государством и региональным лидером уже достигнут определенный уровень экономической близости (в случае Беларуси и России – в рамках отдельных договоров), то любая попытка ее институционализации в новом интеграционном формате, предусматривающем более сильные наднациональные ограничения, будет вызывать негативную реакцию со стороны руководства малой страны, активизируя политику балансирования и приближая наступление точки конфликтности.

Пример белорусско-российских отношений показывает, что, несмотря на периодически возникающие противоречия, Беларусь в целом устраивал тот уровень сотрудничества с Россией, который был достигнут в 1990-е – первой половине 2000-х гг.

Очевидно, что по сравнению с любым другим постсоветским государством Беларусь имела самые льготные условия доступа к российским ресурсам и рынку. При этом стране удавалось постоянно ограничивать доступ российского капитала на белорусский рынок (исключением здесь является продажа 50% акций «Белтрансгаза» в 2006 г.). Иными словами, Беларусь к моменту подписания договора об образовании Таможенного союза уже получила определенные преимущества, при этом не будучи обремененной какими-либо обязательствами. Именно поэтому попытка России институционально закрепить не только нынешний уровень интеграции, но и придать ей импульс постоянного развития и углубления, уже на начальной стадии вызвала далеко не позитивную реакцию со стороны белорусского руководства.

Итак, отношения Беларуси с Россией на сегодняшний день можно охарактеризовать следующим образом. Для белорусской экономики евразийская интеграция по-прежнему имеет большое значение. Тем не менее, интеграционные процессы по обозначенным выше причинам опередили точку конфликтности, что негативно сказывается на отношениях двух стран как в двустороннем формате, так и в формате евразийской группировки. Дальнейшее углубление интеграции не только не решит эту проблему, но, напротив, может ее усугубить, активизировав в Беларуси националистическую политику как реакцию на дальнейшее ограничение государственного суверенитета интеграционными институтами. Именно поэтому решение данной проблемы должно начинаться уже на нынешнем интеграционном этапе.

3. Пока трудно однозначно определить, является ли исследуемая проблема универсальной для всех малых государств, которые участвуют в интеграции с более сильными акторами по белорусско-российскому сценарию – формированию наднациональных институтов, ограничивающих полномочия малого государства, после нескольких десятилетий преференциального экономического сотрудничества. С одной стороны, такой тип поведения есть вполне логичная реакция на внешние ограничения, не компенсируемые новыми выгодами. Как уже говорилось, прошлые выгоды на новом переговорном этапе не учитываются так, как этого ожидает инициатор институциональной интеграции. С другой стороны, если учитывать, что соотношение политики балансирования и примыкания подвержено влиянию многочисленных внешних и внутренних факторов, то и восприятие интеграции, и ее влияние на интенсивность той или иной политики у каждого малого государства будет различной.

Безусловно, в случае белорусско-российских отношений на это оказали существенное влияние такие факторы, как диспропорция субъектов интеграции (валовые внутренние продукты стран оцениваются в соотношении 1:17⁸), которая усугублена невысоким числом участников объединения, а также особенность политического

режима (общеизвестно, что авторитарные политические режимы более резко реагируют на внешние ограничения собственных полномочий внутри страны).

Не стоит забывать и о том, что, несмотря на декларируемую «волю» белорусского народа к сближению с Россией, общественное мнение, как и мнение представителей бизнеса, по вопросам интеграции является далеко не столь однозначным. Так, по данным опросов Независимого института социально-экономических и политических исследований (Минск), проведенных в 2009–2013 гг., предпочтения населения между объединением с Россией и Европейским союзом распределялись приблизительно поровну (около 40% за каждый из вариантов), причем в последние полтора года поддержка западного вектора интеграции была несколько выше⁹. Опрос представителей малого и среднего бизнеса, проведенный в 2013 г. Исследовательским центром ИПМ (Минск), показал, что нынешнее участие Беларуси в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве положительно оценила половина белорусских предпринимателей (50,6%), а перспективы ее углубления – лишь 44,3%¹⁰. По данным Интеграционного барометра Евразийского банка развития, белорусы хуже иных участников ТС и ЕЭП относятся к этим объединениям. Так, положительное мнение о ТС и ЕЭП высказали в Казахстане 80% и 76% опрошенных, в России – 72% и 70%, а в Беларуси – 60% и 62%¹¹.

Из этого следует два вывода. Во-первых, белорусское руководство, общество и бизнес схожим образом оценивают институциональные ограничения в рамках евразийской интеграции, что формирует высокий процент негативного отношения к этим процессам. Во-вторых, белорусское руководство в своих действиях, которые могут носить конфликтный характер, имеют возможность опереться на общественное мнение и интересы частного бизнеса. К слову, прошедшие годы показали, что такая практика может эффективно использоваться белорусской стороной в ходе двусторонних переговоров с Россией.

В целом сегодня становится все более очевидно, что попытки построить новый экономический союз на базе старых белорусско-российских договоров развиваются, мягко говоря, с переменным успехом. Схожая картина наблюдалась в 2000-е гг. и в российско-украинских отношениях, также регулярно сопровождавшихся различного рода торговыми и энергетическими конфликтами.

Исходя из этого, можно предположить, что наиболее правильным вариантом развития интеграции (реинтеграции) России с постсоветскими странами было бы завершение «цивилизованного развода» сторон и окончательный переход на рыночные механизмы экономического сотрудничества. Теоритически это позволило бы новым независимым малым государствам более объективно оценить собственные силы и перспективы своего

развития – самостоятельного или в формате интеграции с тем или иным региональным лидером. В результате интеграционные процессы приобрели бы существенно иной вектор, когда малые государства стали бы главными инициаторами экономического сближения, а не вынужденными участниками группировки (как это видится в случае с Беларусью).

Разумеется, существует определенный риск, что в этом случае Беларусь, лишенная российской экономической и финансовой поддержки, стала бы в гораздо большей степени подвержена демократическим и рыночным преобразованиям, которые привели бы к тому, что внешнеполитическая ситуация в этой стране стала бы развиваться по сценарию стран Прибалтики (вступление в ЕС и НАТО) или Украины (декларируемый приоритет европейской интеграции). Все же необходимо признать, что, несмотря на высокий уровень конфликтности белорусско-российских отношений, евразийская интеграция Беларуси уже стала действительностью (в отличие от все той же Украины). Однако в свете необходимости дальнейшего развития и углубления существующих экономических объединений требуется выработка инструментов, которые позволят снизить конфликтность двусторонних отношений Беларуси и России, а значит, обеспечат возможность более устойчивого развития евразийской интеграции.

Оценивая российскую политику в отношении Беларуси в последнее десятилетие, можно охарактеризовать ее как политику «кнута и пряника», где в роли пряников выступали новые льготы и преференции, а в роли кнута – угрозы или применение санкций и торгово-экономических ограничений (которые и приводили к вышеупомянутым газовым, нефтяным и молочным войнам). По всей видимости, ставка делалась на то, что «пряники» активизируют политику примыкания Беларуси, заинтересовав последнюю в экономическом сближении, а «кнут» предостережет от активизации политики балансирования.

В действительности же получилось наоборот. Практически все «новые» льготы и преференции являлись не чем иным, как уже предоставленными ранее (в 1990-е гг.). Изменились лишь условия их пролонгации, которые в 2000-е гг. все чаще стали накладывать на Беларусь определенные интеграционные обязательства. В результате политика примыкания не претерпела каких-то существенных изменений. Вместе с тем, новые условия сотрудничества все чаще вызвали резко негативную реакцию белорусского руководства, которое заметно активизировало политику балансирования, используя для этого все возможные инструменты. Среди них, в частности, можно назвать попытки активизировать диалог с Европейским союзом (в 2009–2010 гг.) и участие в созданной по его инициативе Восточном партнерстве, развитие экономического сотрудничества с Венесуэлой (по вопросам импорта нефти) и Китаем (привлечение

инвестиций с перспективой работы на территории всего ТС).

Очевидно, что такая стратегия приносит весьма умеренный результат. В связи с этим автор предполагает, что главным приоритетом в ближайшие годы должна стать политика, направленная не на стимулирование примыкания, а на институциональное ограничение балансирования Беларуси в евразийской экономической группировке.

Для этого, во-первых, **необходимо окончательно передать в компетенцию органов Таможенного союза и Единого экономического пространства все полномочия, регулирующие торгово-экономические отношения Беларуси и России.** Речь идет о том обстоятельстве, что сегодня экономическая составляющая иных форматов диалога, в частности – в рамках Союзного государства Беларуси и России, может вступать и нередко вступает в противоречие с евразийскими институтами, когда существуют различные механизмы спекуляций и получения дополнительных преференций в обход трехсторонних договоров ТС и ЕЭП. Иными словами, двусторонние *экономические* отношения должны быть полностью переведены в русло многосторонней евразийской экономической интеграции. Что касается самого Союзного государства, то в его компетенции следует сохранить неэкономическую деятельность, а само объединение сделать примером эффективного сохранения культурных связей между постсоветскими государствами.

Во-вторых, **нужно усилить работу по созданию действующего надгосударственного судебного органа, уполномоченного решать споры между межгосударственными субъектами хозяйствования.** Это позволит избежать дискриминирующего применения национального законодательства одной из заинтересованных сторон, как это было, в частности, в конфликте «Беларуськалия» и «Уралкалия», а также станет эффективным инструментом разрешения споров хозяйствующих субъектов, представляющих разные государства-участники объединения.

В-третьих, эффективная экономическая интеграция требует не только подписания договоров, но и их практического исполнения. Именно поэтому **целесообразным видится создание евразийского института, в полномочия которого будет входить анализ и оценка исполнения странами-участниками объединения подписанных соглашений, а также соответствия национального законодательства международным договорам.** В случае, если какие-либо нарушения будут иметь место, данный орган будет иметь возможность обратиться в наднациональную судебную инстанцию, создание которой предусмотрено предыдущим пунктом.

На практике результатом такой политики должно стать снижение интенсивности белорусского балансирования и, следовательно, смещение точки конфликтности (рис. 3). Лишь после и

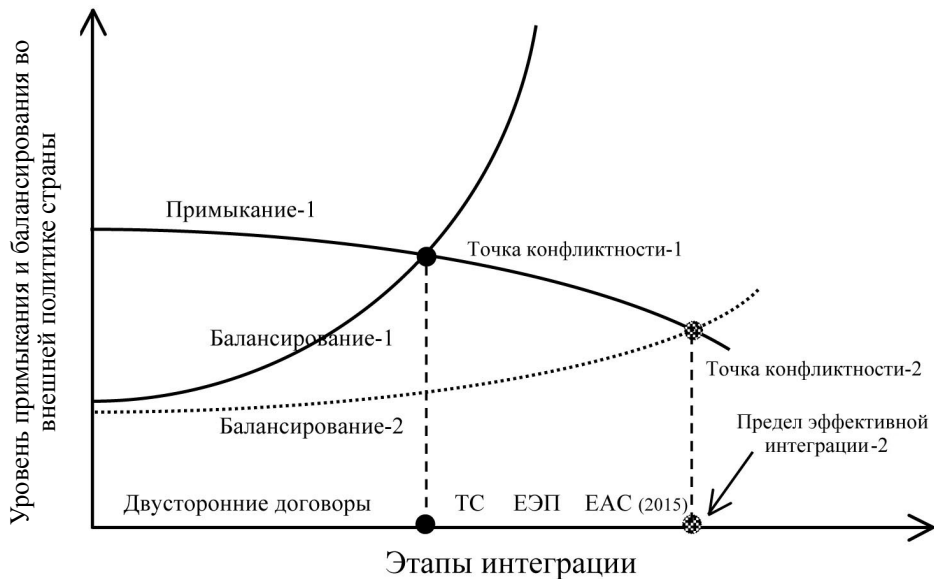

Рис. 3. Перспективы изменения политики балансирования и примыкания Беларуси по мере развития евразийской интеграции

только после этого в белорусско-российских отношениях будет создан определенный резерв для эффективного углубления евразийской интеграции, намеченного на вторую половину 2010-х гг.

В заключение необходимо признать, что перечисленные меры не являются безусловным гарантом долговременной нормализации белорусско-российских отношений. Противоречия между этими странами во многом являются объективными, равно как и интенсивность политики балансирования малого государства, возрастающая по мере развития интеграционного объединения. Иными словами, белорусско-российские противоречия продолжают иметь место, однако их проявление будет носить существенно менее конфликтный характер. Механизм ограничения белорусского балансирования позволит России, в первую очередь, выиграть время, необходимое для того, чтобы закрепить нынешний уровень интеграции и предложить Беларуси такую концепцию развития группировки, которая, возможно, в большей степени заинтересует и руководство этой страны, и ее бизнес-сообщество, и широкую общественность.

Примечания

¹ Путин считает Лукашенко последовательным сторонником интеграции с РФ // РИА Новости [электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20120127/550192846.html> (дата обращения: 03.03.2014).

² См.: Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // *International Security* 19:1 (Summer 1994).

³ См.: Кавешников Н. Малые и вредные // *Международные процессы*. 2008. Т. 6, № 3. С. 84–92.

⁴ См.: Кудряшова И. В. Легко ли быть средневеликим // *Международные процессы*. 2008. Т. 6, № 3 (18). С. 10–15.

⁵ См.: Walt S. Alliances in a Unipolar World // *World Politics*. 2009. Vol. 61/1. P. 86–120.

⁶ См.: Waltz K. *Theory of International Politics*. N. Y.: McGraw Hill, 1979. 256 p.

⁷ См.: Walt S. *The Origins of Alliances*. Cornell University Press, 1990. 336 p.

⁸ См.: World Economic Outlook (WEO) Database 2013 // International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/external/ns/cs.aspx?id=28> (дата обращения: 03.03.2014).

⁹ См.: Динамика белорусского общественного мнения / Независимый институт социально-экономических и политических исследований <http://www.iiseps.org/trends/11> (дата обращения: 03.03.2014).

¹⁰ См.: Скриба А. С. Белорусские МСП и Евразийская интеграция / Исследовательский центр ИПМ. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2013r05.pdf> (дата обращения: 03.03.2014).

¹¹ См.: Интеграционный барометр ЕАБР 2012 / Евразийский банк развития. URL: <http://www.vinokurov.info/assets/files/Centre%20Report%204%20rus.pdf> (дата обращения: 03.03.2014).